

***

Господи, я не знаю что сказать.
Этот мир застрял по щиколотки,
наткнувшись на рукоять
кортика, торчащего из подлодки.

Господи, я ничего не вижу.
Мутнеет, настоящая на можжевельнике,
в бутылках болотная жижа.
Мы – серые, Господи, а Ты – беленький,

спрятался в ельнике с посохом и мешком,
и потираешь горячие рукавицы.
Свят, Свят, Свят еси в сердце моём!
Когда я была Твоей отроковицей –

Ты носил меня в берестяном тереме,
от родителей к бабушке и обратно.
И я, тогда, как никогда, верила
в то, что у Тебя борода не из ваты,

а из небесного ледяного льна,
и глаза – глубокие и холодные.
Мне думалось, я у Тебя такая одна,
но отходят вселенские воды

и рождаются день ото дня,
сморщенные красноликие дети,
предначертанные, предназначенные для
победы жизни над смертью.

***

счастливые стихов не наблюдают
а тянут губы к пламенным губам
их муза молчаливая глупа
мечтает о пришествии джедая
вынашивает белый день строкой
и мечется неловкой трясогузкой
на спинке стула тенниска и блузка
расправленные дышат глубоко

***

Все уезжают куда-то и я уезжаю куда-то.
Время наматывать рельсы на голубую стрелу.
Снег по земле словно вата, в хатках зимуют ондатры.
Их исхудалые тельца жмутся к живому теплу.

Чайник включи и заплачем; это капель бьётся наземь.
Оттепель снег растопила, лёд оголил свою грудь.
Я тебя выбрала, мальчик. Или меня ты назначил?
Выключи свет и мобильник, выживем здесь как-нибудь.

***

сойди со мной с ума вдоль берега заката
где плещется плотва и сказочный налим.
я буду говорить как я не виновата
в том что ты всю дорогу не мой не мной любим
что всё это халва раскрошенная птицам
слова – святая брешь на титульном листе

любовь не так светла для тех кому за тридцать
но хочется успеть и падаешь в постель

о линия судьбы – арба на серпантине
бесстыдных лилий завязь отравленная связь
желание побыть короткий миг богиней
и называть тебя за завтраком – мой князь

Простынь

вчера был ветер – приходил, стучался,
выкручивал осине триста рук.
на лавочках – ни пьяниц, ни старух.
все разошлись, а ветер рвал на части
оставленную на балконе простынь;
она сопротивлялась как могла.
над городом сгустилась грозно мгла,
но где-то впереди забрезжил остров!
и простынь нас негаданно спасла –
раздулась, точно самый прочный парус!
и дом поплыл, как жёлтенький икарус,
и вазочка на краешек стола
скатилась, и задребезжала ложка.
и засмеялся мальчик у соседей, –
ура! мы едем, мы куда-то едем!
по кочкам и по маленьким дорожкам,
и в ямку – бух! и на пригорок – ухх!
и якорь распустился пышной кроной,
и, только тополь стоило затронуть,
как тут же повалил на землю пух.

Иерихон

Каждую ночь мне снится Иерихон,
как точка отсчёта, краеугольный слон,
с расписанными на хинди увесистыми боками,
трубящий песню ветра над огненными столбами.

Я забегаю в него на цыпочках, босиком.
И даже во сне ощущаю застрявший в гортани ком

памяти человеческой, где боль сплетена с любовью.
И вот уже небо над городом рассветное-голубое,

пытается погасить огненную стихию.

Проснувшись, я понимаю, кругом Россия.
Железная койка, тумбочка, крашенный потолок,
и на иконе маленький розовощёкий Бог.

Я вновь погружаюсь в сон, в поисках продолжения.
Зелёным огнём глазастый радар слежения
отслеживает, как пролетает, срываясь на крик,
над городом птицеголовый вражеский МиГ.

Он поливает брусчатку дождём из чёрного чрева.
Выходит народ нарядный из храма, будто из хлева
стадо овец послушных, и руки возносит к небу.
Но, это уже перебор густых, как кусты, гипербол!

Под ноги входящим, красным ковром Раав,
стелется город, смертью семь раз поправ
дыхание улиц, вычеркнутых вовек.
Входящие понимают – это их ноев ковчег.

Проснуться трудно в каменных джунглях слона.
Трубы трубят занудно – их музыка солона,
как мёртвое море, приправленный хворью суп.
Иерихон превращается в баню - бревенчатый сруб.

Раав оборачивается в банщика-истопника,
она добывает спящих руками из гамака,
по ягодке переносит в эмалированный таз -
расслабленных, расчеловеченных нас.

Клюквенный сок и сахар, крахмал и вода.
Покойник всех поминающих целует в уста.
Господь претворяется в просфору из чаши с вином.
В блин да кисель – все мы, когда умрём.